

ВОЙНА В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ

Иван Латышев поставил свой спектакль «Рождество 1942» после того, как увидел «Песнь о Волге» Резо Габриадзе

Независимая газ. — 2001 — 1 июня — с. 11

Наталья Дьяченко

- ИВАН, что побудило вас, довольно удачливого, популярного в Петербурге актера, заняться режиссурой?

— Не знаю, иду ли я в режиссуру, ведь это профессия, которой надо владеть. Мне нравится копаться в смысловой структуре материала, и на уровне разбора пьесы я могу быть полезен, поэтому опрометчиво согласился вместе с Гришей работать над «Лешим». Гриша — человек очень занятой, и однажды он вдруг отстранился. Это был осознанный педагогический шаг: он бросил меня, как котенка, — надо было выплывать. А идея сделать «Рождество 1942» преследовала меня шесть лет.

— Как вы нашли этот материал и почему работе с драматургией или инсценированной прозой предпочли самое сложное — сценическое освоение эпистолярного жанра?

— В 1995 году, когда мы с Давидом Либуриным поехали на три месяца в Ульяновск выпускать спектакль «Князь» по «Бесам» Достоевского, где я должен был играть Ставрогина, у меня был колоссальный кризис — и личный, и профессиональный. Появилась потребность приводить в порядок мысли, переносить их на бумагу. Тогда я впервые завел дневник. И писал письма домой. Это для меня была «малая эмиграция»: один в большом городе, никого знакомого. Читать ничего серьезного не хотелось, я брал подшивки журналов и читал публицистику, критические статьи — то, чего обычно не читаю. И много почерпнул для себя интересного и нового. Случайно я наткнулся на письма немцев из-под Сталинграда. На тот момент ничего страшнее о войне я не читал. Именно потому, что в этих письмах речь идет не о войне, а о любви, о потере. Все они пронизаны ужасным ощущением близкого конца. Это последние письма. Человек должен в одном письме сказать все — это и страшно, и трогательно. Когда летом произошла трагедия с «Курском», меня особенно остро пронзила мысль — что же можно написать, когда ты обречен, и у тебя в руках лист бумаги и карандаш? И по прошествии времени, уже репетируя, я наконец понял, чем эти письма меня так зацепили. Волга, зима... Чужой город, ощущение брошенности, проблемы со здоровьем, и кажется, что вот-вот тебя похоронят здесь, на берегу. Наверное, ситуация в чем-то была сходна с той, в которую попали немцы, хотя там, конечно, было куда страшнее.

— Как выстраивалась драматургия спектакля?

— Я не могу сказать, что это в полной мере драматический спектакль, — во многом получи-

Несколько лет назад Иван Латышев ушел из театра. Представитель многочисленной театральной династии, баловень судьбы, сыгравший всех героев-любовников тюзовского репертуара конца 80 — середины 90-х, спрятавшись на тихом берегу озера, решая экзистенциальные вопросы.

Время, природа и уединение — лучшие лекари. И снова длинная худощавая фигура беспокойно замаячила в «петербургском культурном пространстве». Летом 2000 года на Малой сцене ТЮЗа появился чеховский «Леший»: своим режиссерским дебютом актер обязан режиссеру Григорию Козлову, вдохновившему и запустившему эту работу. Критика номинировала спектакль на «Золотую маску». А Латышев к годовщине Победы выпустил на той же Малой сцене очень человеческий спектакль по последним письмам немцев из Сталинграда «Рождество 1942, или Письма о Волге».

лась литературно-музыкально-драматическая композиция. Мне было интересно поработать в обстоятельствах, когда есть человек и текст. Это то, чему нас учил Валерий Николаевич Галенцев. Интересно, будет ли этот спектакль жить, удастся ли его сыграть три дня подряд, или он останется разовой акцией.

— Название вашей работы рифмуется с названием спектакля Резо Габриадзе «Песнь о Волге». Это не случайность?

— Нет. Мне бы очень хотелось, чтобы они перекликались. Просмотр «Песни о Волге» был для меня огромным театральным потрясением. Мне даже посчастливилось озвучивать в этом спектакле одну из небольших ролей. Тогда я уже думал о постановке «Рождества». Там открывается столько тем, столько судеб разных людей стоит за этими строчками! Удивительная синусоида: от смешного — к страшному и наоборот. Человек пишет любимой жене: «Я узнал, что ты мне неверна, и поэтому хочу прервать с тобой все отношения, обратись к адвокату, я хотел бы, чтобы к моему возвращению тебя уже не было в доме». И сразу чувствуется абсурдность от парадоксального соединения несоединимого: человек, стоя под дождем снарядов — может быть, часы его сочтены, — думает о самой суетной из сторон жизни, вместо того чтобы выделить главное. И к тому же собирается возвращаться — этакой грозой, восстанавливающей справедливость! Что это — предсмертное помутнение сознания, или неверие человека в возможность смерти, или зацепка за ускользающую жизнь? А быть может, попытка освободить жену от себя — ради ее продолжающейся жизни? Все пишут по-

разному: кто-то плачет, кто-то пытается шутить, кто-то смеется, кто-то дает конкретные поручения. Поначалу мне хотелось показать за 27-ю монологами 27 разных судеб. Но потом открылось, что в чем-то эти люди схожи. Человек написал, потом передумал, написал другое, и уже не разобрался, один ли человек это пишет или разные люди.

— О чем хотелось поставить «Рождество 1942»?

— В спектакле есть сцена, которую мы называем «месса». Пастор пишет письмо. И там есть фраза: «Я читал своим ученикам Евангелие от Луки, а о пятой заповеди — «Не убий!» — не говорил». Наверно, «Не убий!» — это то, о чем хочется сказать. Очень не люблю войну. Очень не люблю армию — в том виде, в каком она существует на данном этапе, ту, в которой был я. Это слишком нехорошо. Но счастлив наш Бог: нам хоть куда-то можно идти».

— Спектакль получился заведомо некоммерческим. Пойдет ли на него зритель?

— Я убежден, что сейчас наступило время не репертуарного, а антрепризного театра, когда спектакль можно показать всего несколько раз — и делать другой. Для меня не очень важно, сколько в зале сидит зрителей, важно, чтобы хоть кому-то это было нужно. Когда в зале сидят мои мама и дочка, — дороже зрителей для меня нет.

— Многие считают, что театр — место, где можно спастись от жизни. Где, кроме театра, спасаетесь вы?

— У меня есть дача, куда я уезжаю, где мне хорошо, где я могу свободно сесть, лечь, обнять дерево. Там каждый день все разное, будто меняется декорация: идет дождь — одно, солнце светит — другое. Мы с заслуженным артистом Малого драматического театра Сергеем Власовым последние два года рубим баню на даче. Я клянусь, что это театр. Мы сидим на бревне и придумываем театральные проскты, фантазируем, и идеи бьют ключом. Но мы при этом занимаемся настоящим сермяжным делом. Надо поехать и привезти песка или камней. Или за грибами — не просто прогулка, а поход за едой. Ну, ка, сможешь сам прокормиться? Или с утра едешь на рыбалку и тоже понимаешь, что ты охотишься, и рыба — это еда, ее надо поймать. Классно! Я взял за правило: летом работать нельзя. Начало лета — время зализывать раны, а дальше нужно аккумулировать энергию для того, чтобы выжить в городе, лишенном солнца, тепла и воздуха. Бесконечно черпать из себя нельзя.

Петербург

Сцена из спектакля Ивана Латышева «Леший».

Фото Михаила Гутермана